

УР1
Т-78

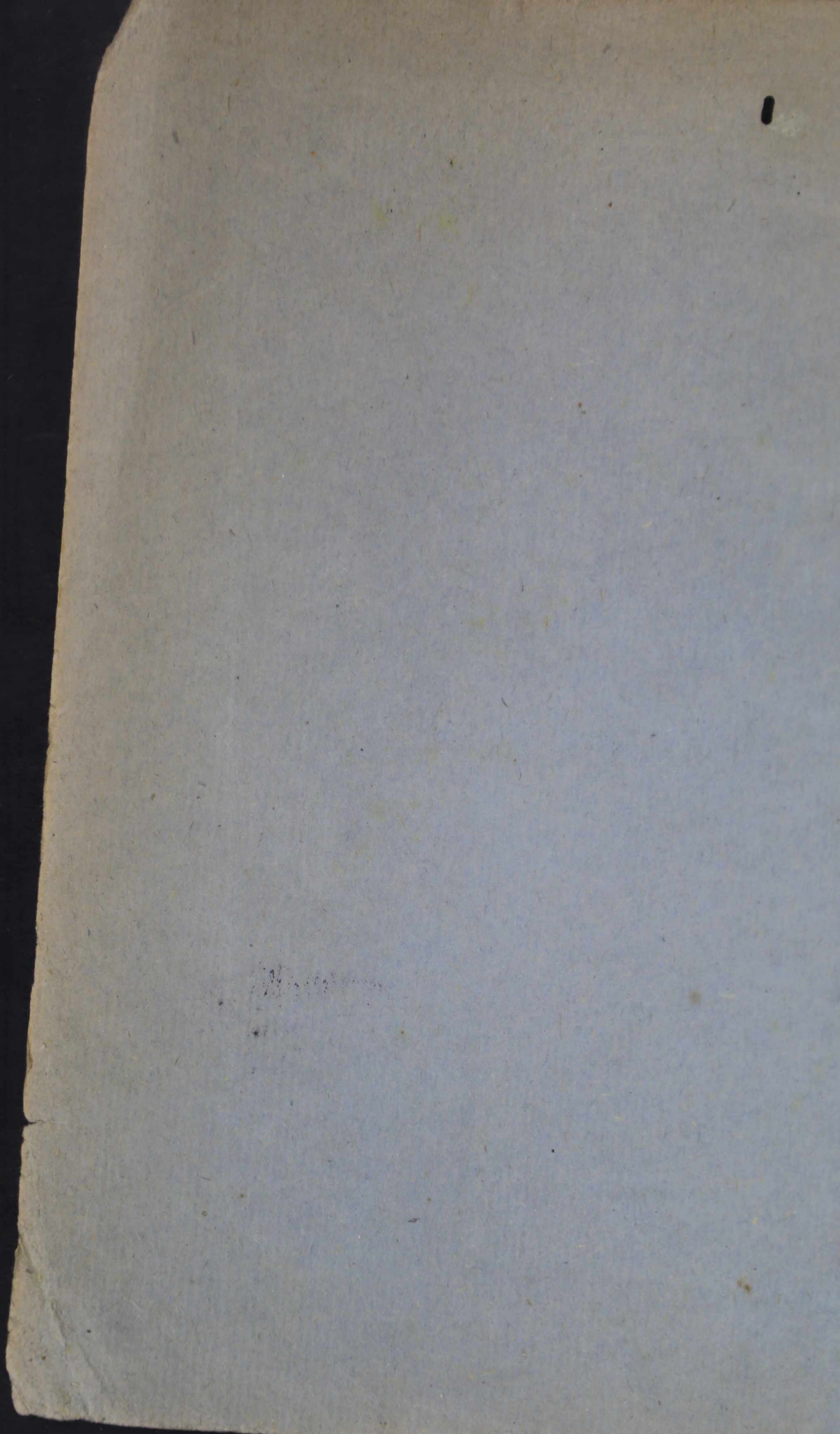
АКАДЕМИЯ НАУК
А СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕ-РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1985 · ЛЕНИНГРАД

891

Т-78

ИЗДАТЕЛЬСТВО
С.И. Григорова

8
Т-78

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТРУДЫ

ОТДЕЛА ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

II

2 1691

ОТВЕРЖЕНО

✓

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1985 · ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОТЕКА
И. М. С. / 1691 / 2
Инв. № 16

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Сентябрь 1935 г.

Непременный секретарь академик

Редактор издания академик А. С. Орлов

Технический редактор Л. А. Федоров — Ученый корректор Д. С. Лихачев

Сдано в набор 16 марта 1935 г. — Подписано к печати 28 сентября 1935 г.

300 стр.

Формат бум. 72×110 см. — $18^{6/8}$ печ. л. — 43800 тип. зн. в л. — Тираж 1665

Ленгорлит № 25016. — АНИ № 673. — Заказ № 1489

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

8
1778

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Е. А. Рыдзевская. Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне	5
И. П. Еремин. Из истории древне-русской публицистики XI века . . .	21
М. П. Алексеев. Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха	39
Д. В. Айналов. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве»	81
Н. Н. Зарубин. Заря утренняя или вечерняя? (Из комментария к «Слову о полку Игореве»)	95
П. Н. Берков. К библиографии западных изучений и переводов «Слова о полку Игореве».	151
А. С. Орлов. Литературные источники повести о Мамаевом побоище . . .	157
В. В. Данилов. Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашнина	165
М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне	181
В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. I—II	215
В. Ф. Покровская. Стихотворная автобиография подьячего XVIII века	283

Е. А. РЫДЗЕВСКАЯ

Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне

1

На те места памятников древне-северной письменности, где говорится о скандинавско-русских отношениях, ссылаются авторы многих работ, входящих в состав громадной литературы по варяжскому вопросу; как и этот последний во всем своем объеме, так и вопрос, в частности, о значении саг, как исторического источника, о степени их достоверности с точки зрения заключающихся в них данных о древней Руси и т. д., имеет свою историю: здесь мы находим и скептическое отношение к ним, и преувеличенную их оценку, и, наконец, вывод, по существу несомненно правильный, относительно их недостаточности сравнительно с тем, что хотелось бы получить от них исследователю для освещения соответственного периода истории Восточной Европы.¹ С этим выводом спорить не приходится; факти-

¹ Причины этого изложены в статье Ф. А. Брауна «Das historische Russland im altnordischen Schrifttum des X—XIV Jahrh.» (Festschrift E. Mogk, 150—196, Лейпциг, 1924), где он дает обзор главнейших сведений о Руси в др.-сев. литературе — обзор, к сожалению, сравнительно краткий и не вполне исчерпывающий. Чрезвычайно ценно то, что автор рассматривает эти сведения в связи с различным типом и характером памятников, в которых они заключаются, и касается всех категорий таковых (саги исторические и неисторические, песни скальдов, географические сочинения и рунические надписи). Неудовлетворительность известий о Руси зависит, во всяком случае, не от того, что саги представляют собою «поэтические произведения, далекие от историко-географических интересов», как говорит о них В. А. Брим («Путь из Варяг в Греки», 235, ИОН, 1931). К исландским сагам исторического типа это совершенно не применимо. Они являются памятниками вполне реального характера; топографические сведения в них, большей частью, очень точны и определены; значение их как исторических источников, богатых чрезвычайно ценными социально-экономическими данными, как нельзя более очевидно. Дело не в «односторонней ориентации исландской письменности в сторону литературного оформления сюжета» и не в стремлении к художественной отделке и занимательности в ущерб фактической стороне происшествий, как полагает В. А. Брим (ук. соч., 202); такая характеристика справедлива в отношении романтических, сказочных саг позднего литературного типа (так наз. Fornaldarsögur Nordrlanda), но не классических Islendinga- и Konungasögur. Односторонняя ориентация выражается в том, что положительные данные, сообщаемые сагами, относятся только к самим скандинавским странам, прежде всего — к родине саг, Исландии, и к Норвегии, и значительно более скудны

ческий материал остается таким, каким мы его знаем, и при изучении его нет оснований рассчитывать на выявление чего-нибудь совершенно нового и неожиданного.

Тем не менее, при несколько ином подходе к нему сравнительно с тем, что мы видели до сих пор в нашей научной литературе, возможно дальнейшее небезрезультатное изучение его в смысле выяснения и уточнения целого ряда содержащихся в нем данных. До сих пор, по крайней мере, до появления указанной только что статьи Ф. А. Брауна, не был достаточно четко поставлен вопрос о том, к какой категории литературных произведений относятся те или иные др.-сев. памятники, заключающие в себе предания о Руси, с какой культурной и социальной средой они связаны у себя на родине в смысле своего возникновения, распространения и представляемого ими интереса. С этой точки зрения *Rossica* др.-сев. саг отнюдь не однородна, и простого хронологического распределения и приурочения ее недостаточно. Для всесторонней оценки ее значения, как одного из источников по так наз. начальному периоду русской истории, одной из очередных задач мне представляется попытка наметить в ее составе определенные комплексы преданий в зависимости от места, занимаемого ими в др.-сев. письменности и в кругу отражаемых ею жизненных и литературных интересов.

Настоящая работа имеет целью рассмотреть одну из таких комплексных групп, которая довольно четко обрисовывается среди сложного и разнообразного состава богатой др.-сев. литературы, и определить в ней исторический и легендарный элемент. Дело идет в данном случае об известиях, касающихся сношений скандинавов с Византией и Русью, и о предании о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне.

Ко времени Владимира относится, как известно, по нашей летописи крещение Руси из Византии, иначе говоря — отражение политики распространения византийского влияния на восточных славян, прежде всего, на верхи складывавшегося в это время древне-русского феодального общества, в состав которых церковь вступает не только в качестве проводника чужеземного, греческого, влияния, но и как новый, и весьма значительный, общественно-экономический фактор. Историей христианизации Руси русская историческая наука занималась достаточно подробно, так же как и относя-

в отношении других, как, напр., Англии и Ирландии, с которыми западные скандинавы были достаточно тесно связаны, а тем более — древней Руси, у которой, к тому же, сношения были главным образом с Швецией; шведских же саг, подобных исландским, как известно, не имеется, за исключением одной, относящейся к Готланду (*Guta saga*).

щимися к ней преданиями, сохранившимися в древнейшей русской письменности; здесь можно лишний раз указать, хотя бы, на известное исследование А. А. Шахматова о корсунской легенде.

Византию, как центр восточного христианства и исходную точку распространения его на Руси при Владимире, знает также и др.-сев. литература. Дошедшие до нас в ее составе предания соответственного содержания интересны как с точки зрения тематики определенной части самой этой литературы, так и вопроса о том, насколько можно установить их связь с древнерусскими, известными нам из летописи и некоторых других памятников.

Распространение христианства на самом скандинавском Севере в эпоху викингов — одно из явлений, сопутствующих развитию торговых, политических и культурных связей с другими европейскими странами. Автор составленного в первой половине XIII в. свода саг о норвежских конунгах, *Heimskringla*, исландский историк Снорри Стурлусон, вполне рационально объясняет успех христианизации в XI в. района, прилежащего к фиорду Осло (в древности — *Vík*), тем, что там постоянно бывало много датских и немецких купцов, и что сами жители этой области занимались торговыми поездками в Англию, Германию, Фландрию и Данию, а также морскими походами, причем зиму проводили в крещеных странах (*á kristnum löndum*).¹

Возникает вопрос о том, насколько церковное воздействие на далекий норманский север могло входить в круг политических задач и целей Византии. Отдельные случаи крещения варягов в Греции вполне возможны, но саги исторического характера прямых указаний такого рода не содержат и значительно больше интересуются военной службой своих героев у греческих императоров. Известны следы восточного христианства в песнях некоторых скальдов XI в.² К этому же времени, т. е. ко второй половине

¹ Нкг. II, 96—97; см. также *Guta saga*, 65¹⁹ (изд. Н. Pipping, *Samf. til udg. af gamm. nord. Litt.*, XXXII), где автор этой единственной имеющейся у нас шведской саги говорит то же самое относительно торговых поездок готландцев.

² Я имею здесь в виду такие описательные выражения (*kenningar*) у скальдов для обозначения христианского бога, как *gaetir Grikklands* (страж, хранитель Греции), *Grikkja vqrdr ok Garða* (хранитель греков и гардов, т. е. Руси), позднее, уже в XIV в. — *stólkönungr himna* (царь небес; *stólkönungr* в сагах обозначает византийского императора, ср. др.-рус. столбный князь). Все это аналогично таким выражениям для обозначения того же бога, как *könungr Roms*, где отражается другое, западное церковное влияние. И в том, и в другом случае христианство представляется, прежде всего, как элемент чуждый, иноземный (см. R. Meissner. *Die Kenningar der Skalden*, 369). Обозначение *Grikkja vqrdr ok Garða* интересно тем, что Русь стоит здесь рядом с греками; сближение это объясняется, вероятно, не столько вероисповедными соображениями, сколько связью Руси с Грецией в представлении норманнов, чей путь в Константинополь (*Miklagardr*) в эпоху викингов шел через нашу страну; их военно-торговые предприятия на территории этой последней и их поездки в Византию и на Восток были тесно связаны между собой.

эпохи викингов, относятся известия о приезде армянских и греческих епископов в Исландию,¹ что некоторыми исследователями ставится в связь с церковной политикой норвежского конунга Гаральда Грозного (1046—1066), направленной к независимости от Бременской архиепископии и от папской власти, и имевшей восточную, византийскую ориентацию.² Как бы то ни было, мы имеем данные относительно соперничества между представителями западной и восточной церкви в далекой Исландии, даже если оно и не было результатом официальной византийской церковной политики; в древнейшем своде исландских законов, так наз. *Grágás*, в отделе церковного права допускается посещать службу, совершаемую епископами или священниками, не знающими латинского языка, армянскими или греческими (*ermskir eða girzkir*), но запрещается платить им за требы; за это взимается штраф в пользу собственного епископа.³ Исландская церковь, таким образом, не проявляя особенно резкой конфессиональной нетерпимости, заботливо оберегала, тем не менее, свои доходы от всяких покушений на них со стороны «инославных».

Что касается возможных попыток со стороны Византии использовать варягов в целях распространения своего влияния на древнюю Русь, в частности, в области религии, то их посредничество в этом смысле получило в нашей прежней исторической литературе преувеличенную оценку, в чем можно усматривать во-первых, одно из отражений старого норманистского направления вообще, а во-вторых, результат отсутствия критического рассмотрения реальной исторической обстановки. Варяги, несомненно, могли при случае принимать христианство в Византии и даже иметь в этом отношении некоторое влияние на тот слой древне-русского общества, с которым они были теснее всего связаны, т. е. на княжескую и военно-торговую среду, но это влияние, по всей вероятности, было лишь второстепенным сопутствующим явлением в области связывавших их с Византией и с Русью интересов, значительно более актуальных для них, чем вопросы религии. Мало вероятно, поэтому, чтобы Византия могла особенно рассчитывать на них в этом смысле.

Что же говорят об этом древне-русские памятники? Повесть временных лет, как указывает акад. Н. К. Никольский, определенно выдвигает

¹ См об. этом F. Macler. *Arménie et Islande* (Rev. de l'hist. des religions, 1923, LXXXVII, 236—241).

² Macler, ук. соч., 239—240; A. D. Jørgensen. *Den nord. Kirkes Grundlegg.*, II, 694. Копенгаген, 1874—1878.

³ *Grágás*, 26—27, § 17. Изд. V. Finsen, Копенгаген, 1879.

значение Византии для христианизации Руси,¹ и эта грекофильская летописная тенденция привлекает к делу и варягов; соответственные места летописи хорошо известны, и отмечены в работе акад. Н. К. Никольского.² Варяги и, в частности, русские князья варяжского происхождения, входят, таким образом, в принятую летописью историографическую схему, которую акад. Н. К. Никольский называет греко-варяжской. В дальнейшем же, по мере обострения в клерикальных кругах конфессиональных противоречий между восточной и западной церковью, самый термин варяжский, варяжская вера, стал связываться с католичеством, с латинством, и в известном предании Печерского Патерика о Симоне-варяге уже сказался происшедший сдвиг: варяги больше не трактуются как фактор перенесения христианства из Греции, а как объект обращения из католичества в православие — картина уже совершенно иная. Симон состоит в дружеских отношениях с Печерским монастырем, приносит ему дары и т. д., одним словом, всем хорош — его остается только обратить из «латинской буести» в православие.³ К преданию об участии варягов в христианизации Руси рассказ Патерика о Симоне, таким образом, едва ли имеет прямое отношение.⁴ Симон — это «варягъ крещения не имѣя», как позднее в Русской Правде, что Л. К. Goetr объясняет в смысле «католик», «не православный».⁵

Не менее известные русским исследователям, чем легенда о Симоне, древне-русские молитвы с именами трех скандинавских и двух англо-саксонских святых также, как я полагаю, напрасно были приняты некоторыми исследователями как следы варяжского влияния (а тем более — англо-саксонского, весьма проблематичного в отношении древней Руси). Основываюсь здесь на мнении акад. А. И. Соболевского об этих именах, как

¹ Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, I, 29, 96, 104—106. Л. 1930.

² Ук. соч., 105—106 (Лавр. 912, 945, 955 и 983 гг.).

³ В своем роде это аналогично тому, как и восточные и западные повествования об обращении описывают своих героев, еще язычников, как совершенно готовых по свойственным им добродетелям к принятию христианства — остается только сделать этот окончательный шаг. Этот прием мы встречаем, также и в др.-сев. литературе клерикального направления.

⁴ Иначе смотрит на него Д. И. Абрамович, который считает, что эта легенда является несомненным указанием на значение варягов в истории христианизации Киевской Руси (Исследование о Киево-Печерском Патерике, как историко-литературном памятнике. ИОРЯС, 1902, VII, вып. 3, 53).

⁵ Das russische Recht, I, 124; в III ред. Русской Правды «крещения не имѣя» значит не в Троицком списке, лежащем у этого автора в основе его издания III ред., а в списке Царского II (ук. соч., 28, текст III ред., §§ 37 а и б).

силы неуветно», «юсил меня» — переписчик не понял, и рукопись ГПБ дает здесь искаженное чтение: «во уме вмених», «нецветно», «юсил у меня».

Приводим полностью текст «Стихотворной автобиографии подьячего» XVIII в. по рукописи АН 17. 8. 27. Под строкою даются разночтения ГПБ, Q. XV, № 102. По сравнению с рукописью, нами сделаны лишь следующие изменения: раскрыты сокращения, и надстрочные знаки опущены в строку; в тексте буквы ј, њ, ѿ, ѣ, ѡ и ѧ соответственно заменяются через і, у, о, кс, я и я, — эти же знаки в начале строф (прописные) оставлены в первоначальном виде; разбито на стихи заглавие, написанное в рукописи в строку; знаки препинания расставлены согласно современным правилам.

л. 97.

Нѣкоего человѣка размышление,
О состояниі своем изьявление,
Именемъ Симеона, в простотѣ суца
И от многихъ едва не дураком словуца,
По алоавиту¹ в риѡмы самим издашася,
В горести бѣдственне сице написашеся
По правде.

А.

Азь есмь Симеон левицка рода² і племяни,
Родихся бо от отца поповска сѣмени;
И аще хто назоветъ меня і Петровичь³,
В лѣпоту мнѣ, яко есмь ѡроловской поповичь
И знатной

л. 97 об.

Б.

Быль у меня родитель, мои любезныи отецъ,
Нѣкогда и пастыремъ словесных овецъ.
Но ныне, ох⁴ увы, в сиротствѣ меня⁵ оставил,
Понеже от сеи своей⁶ жизни ся преставиль
Во он вѣкъ.⁷

В.

В жизни своей мнѣ яко сыну приказывал,
Присмотря⁸ мою глупость і плетью наказывал,
Чтоб я приказного дѣла⁹ весма вразумлялся,
А с вертопрахами б ни с кѣм отнюд¹⁰ не знался
Безчинно.

¹ алоавиту ² Семен рода левицка ³ мя поповичь ⁴ ах ⁵ мя ⁶ сеи временной
⁷ приб. утек ⁸ И присмотря ⁹ приказному дѣлу ¹⁰ с вертопрахами ни с кем отнюд бы

Г.

Глаголы же его я во уметы вменихъ ¹¹,
 л. 98. Понеже господином дому сам ся учинихъ ¹²,
 И невозбранно начахъ ¹³ со други знатися,
 С подобными си ¹⁴ зело увеселятися
 Роскошно.

Д.

Добра и нажитку отцовска источих ¹⁵ много,
 И что замышлю, то все тотчас несут готово.
 И тако ¹⁶ со други моими веселилися,
 Яко многие тѣмъ банкетом дивилися
 Похвално.

Е.

Ѣсть и пить много уже мнѣ и прискучило,
 Но приходящим ко мнѣ не надокучило,
 И аще хотѣлъ когда кому и отказати,
 Но люди у вратъ даютъ про бытность мою знати
 Свободно.

л. 98 об.

Ж.

Житие ¹⁷ мое тако было многославно,
 Яко ¹⁸ и розноварных пив пито преславно:
 Водка ¹⁹ с алексиром, — на дше сердце ²⁰ пред обѣдом,
 И медовъ гвоздишных с ренским довольно за обѣдом
 И секту.

С.

Зело многие люди за то меня познали
 И благодарственно мя в глаза за то ²¹ величали,
 И оттого сердце мое радость имѣло,
 Понеже і в господах поступах ²² смѣло,
 Надѣясь.

¹¹ во умѣ вменихъ ¹² в домѣ ся учинихъ ¹³ нача ¹⁴ мнѣ ¹⁵ истоцив ¹⁶ приб. я
¹⁷ приб. же ¹⁸ что ¹⁹ водокъ ²⁰ на дше сердца ²¹ проп. за то ²² самъ поступал.

З.

Знаю же ныне вправду, что мнѣ то²³ отходить,
 л. 99. Егда у меня отцовщина в скудость приходит,
 Понеже слышу себѣ ругание и смѣхъ
 От тѣх, иже²⁴ прежде друзьями себѣ имѣхъ
 В приятстве.

И.

И жelahъ зело ныне нрав свои пременити
 I во приказном дѣле паки славенъ быти,
 Но, оле! моего к тому²⁵ неразумия,
 Яко с млада²⁶ исполненъ всякого безумия
 Глупого.

I.

Ибо не есмь доволенъ писанию²⁷ і слогу
 И не угоден пред судьями к отвѣтному слову,
 Понеже в том извѣстно сам ся присмотрил,
 л. 99 об. Егда от подьячего к другому переходилъ
 Напрасно.

К.

Колико у перваго трудов і тщанія полагахъ
 I коль много обѣдовъ нарочно устрояхъ,
 Но ничто же мнѣ успѣ во²⁸ ползу благоую,
 Но паче сотворих тѣмъ себѣ славу злую
 И посмѣхъ.

Л.

Любовъ же мнѣ свою другіи вначалѣ²⁹ показалъ
 I в третьих товарищах сидѣти³⁰ приказал;
 Однако ж и на высоком мѣсте глотки глотаю.
 А для чего я так нещаслив, — отнюд не знаю,
 Дивлюся.

²³ что то мнѣ ²⁴ ихъ же ²⁵ к тому моего ²⁶ измлада ²⁷ к писанію ²⁸ ми успѣ в
²⁹ свою другіи вначалѣ мнѣ ³⁰ сидѣть

л. 100.

М.

Мыслилъ³¹ я и на город от стыду³² уѣхать
 С приписью, да не хочетца от Москвы отѣхать,
 Потому что и здѣсь мочно к доброму мѣсту добитца
 В старые подьячие, да не знаю с кѣм спроситца
 С разумнымъ.

Н.

Не обретаю бо себѣ вѣрна друга в бесѣдах,
 Ни в далнихъ знакомцахъ, ниже в ближнихъ сосѣдах:
 Все одинако от словесъ моихъ меня³³ поносятъ,
 О, злочастие! яко горестъ мнѣ приносятъ
 Несносу.

О.

л. 100 об.

Однакожъ еще имамъ сие упование,
 Пришло бо мнѣ во умъ напамятование
 О Кириле богатомъ муже,
 іже недавно³⁴ умре, —
 Онъ дядя былъ мнѣ³⁵,
 знаю³⁶ я то зело добре
 Во³⁷ правду.

П.

Пожитки же его все собраннїи остались,
 В нихъ же нагло и не родственники вступались³⁸,
 Которыхъ я³⁹ по родству захватилъ много, —
 Того ради надолго буду жити⁴⁰ не убого,
 Збережью.

Р.

л. 101.

Разумѣю бо пословицу людей старыхъ,
 Что говорятъ в басняхъ в науку детей малыхъ:
 «Какъ у Сенюшки двѣ денешки, — такъ Семенъ да Семень,
 А у Сенюшки ни денешки, — блядинъ сынъ Семень».
 То то я⁴¹.

31 *приб. бы* 32 *от стыда* 33 *проп. меня* 34 *проп. недавно* 35 *мнѣ былъ* 36 *зналъ*
 37 *В* 38 *вступилис* 39 *и азъ* 40 *жить* 41 *да не я*

С.

Слово твердо сие к себѣ признаваю быті
 И так поступлю на семъ свѣте і⁴² жити,
 Чтобы денешки у меня были всегда,
 А во блядиныхъ бы дѣтех не быть мнѣ⁴³ никогда,
 Но в добрыхъ.

Т.

Твердость в разуме восприиму толику,
 Яко и от приказныхъ дѣлъ получю корысть велику,
 л. 101 об. И тако отнюд не оскудѣетъ мое житие,
 Но от хужших⁴⁴ в лутчее придет бытие
 І в славу.

Ѵ.

Умомъ токмо я сие изрядно разсуждаю,
 А дѣлом воистинну тако исполнити⁴⁵ не чаю,
 Понеже природа во мнѣ глупа і непостоянна,
 А к тому і горделива⁴⁶ весма окоянна
 Безумно.

У.

Уже к тому не знаю какъ в глупости быти,
 Аще не умѣю что в подьячих нажити.
 Зело б я рад⁴⁷ былъ, чтоб в отцов чин вступити
 И тѣм срама своего от людей избыти
 Конечно.

л. 102.

Ф.

Фортуну б или счастье я чаялъ в том чине
 Восприяти немалу і жити не в кручине: —
 Аще і⁴⁸ умом не зѣло есмь во всем поряден,
 Однако ж возрастом, саном и гласом изряденъ
 Неложно.

⁴² проп. і ⁴³ проп. мнѣ ⁴⁴ приб. и ⁴⁵ исполнить ⁴⁶ гордлива ⁴⁷ рад я
⁴⁸ проп. і

X.

Хотѣние же сие вотще помышляю,
 Понеже не удобно тому быти знаю:
 Уже бо есмь за грехи своя двоебраченъ.
 Воистинну оттого і умъ мой стал мрачен
 С печали.

Ѡ.

л. 102 об. От мнѣнія моего едва не лишился
 И послѣднаго смысла, которым хвалился,
 И ныне не знаю, гдѣ главы⁴⁹ приклонити,
 І в каком чине могу дом свой прокормити
 Свободно.

Ц.

Царедворцем мнѣ быти, чаю, не гожуся;
 А в церковниках жить⁵⁰ от людей стыжуся;
 Записатися в посад — торговать не умѣю;
 Подрятчиком быть,⁵¹ — отнюд того не разумѣю
 Нимало.

Ч.

Чортъ мнѣ далъ и к ремеслу велику⁵² лѣность,
 А диявол напустил в глупости моеи смѣлость;
 И оттого, в какой чин ни мышлю, добра не чаю,
 Разве как начал жить⁵³ і вовсе кончаю
 До смерти.

Ш.

л. 103.

Шататися имам в подъячихъ снисканием,
 Чтоб з женою прокормитися⁵⁴ хотя манием,
 А Кирилово имѣние для причин беречь буду:
 Когда нарядят на службу, тѣм того отбуду
 К свободе.

49' главу 50 жити 51 быти 52 великую 53 приб. такъ 54 прокормится

Щ.

Щастие себѣ в том я⁵⁵ немало имѣю,
 Понеже от многих откупился, рещи смѣю,
 И вси людие про то совершенно знаютъ,
 Которые у меня туне ядят и нѣчто взимаютъ
 Напрасно.

Ъ.

л. 103 об. Еръзнулъ* бы я и за море в какую науку,
 Да не хочетца женѣ учинить тѣм скуку;
 Каково либо дурно без меня сотворить,
 Беда мнѣ, есть ли люди о том станут говорить
 Бесчестно.

Ы.

Ерыкалов много есть⁵⁶ на Москвѣ безчинныхъ,
 Которые ругаютъ женѣ и благочинныхъ,
 И не дивно без меня тому тако быти,
 Того ради не хочу за море ся⁵⁷ отдалити
 К наукамъ.

Ъ.

Ѣсть и на Москвѣ школ розныхъ и⁵⁸ многославныхъ,
 Аще учившиася в лѣтахъ и не зело давныхъ,
 Всѣмъ седми свободнымъ наукамъ и партесу,
 Но к тому не имѣеть мысль моя примѣсу
 Нимало.

л. 104.

Еи, вправду то я слышал: у кого, де, тесть глупъ**
 Совершенно — у того бываетъ зять весма⁵⁹ глупъ.
 Самъ я присмотрил в нѣкоемъ дѣле глупость,
 Егда увиделъ тестя своего скупость
 Во пиве.

Ю.

Юродствомъ своимъ нахално выпилъ три бочки,
 Не спросяся с нимъ, а оставилъ толко полбочки,
 И то люди, з дрозжами смутивъ, приносили,
 Когда тесть у меня былъ, досталъ подносили
 Неувѣтно.⁶⁰

⁵⁵ в том я себѣ * Так в рукописи ⁵⁶ проп. есть ⁵⁷ си ⁵⁸ проп. и ** В рукописи
 лупъ ⁵⁹ проп. весма ⁶⁰ Нецвѣтно

Ѧ.

Юсилъ ⁶¹ меня сидя тесть, сердясь за пиво,
 А я говорил ему: «не велико то диво,
 Хотя бы і все оно выпито было,
 Потому что тестне зятю всегда бывает мило
 І сладко».

л. 104 об.

Ѧ.

О! како се могло несладостно быти,
 Яко восхотѣх і на лоне опочити
 У дщери его, яже ми в жену врученна, —
 Сня же тайна уже і в людех явленна
 Посмѣшно.

Ѧ.

нѣкогда за сие ругателно слово
 Сердце свое на драку възьярил готово
 И от злобы ругателю главу проломил,
 Егда он при людех о налонном снѣ говорил
 Безчестно.

Ѧ.

л. 105.

О! я несчастен на свѣтѣ чловѣкъ родился!
 Чаю, что не один в то время чортъ дивился.
 И за тот вышереченной удар в приказ бых ⁶² взять
 колико убытку в том дѣле себѣ пряхъ ⁶³
 За дерзость.

Ѧ.

К сему ж и до ныне не престают мя ругати
 Иже я приобщницы моеи благодати, —
 Не вѣмъ же, откуда мнѣ такая напасть,
 Едва ли мнѣ от нея во ⁶⁴ стыде не пропасть
 Не дивно.

Ψ.

Псамъ бы лутче живот свои дал⁶⁵ на растерзание,
 Нежели честь мою людем в зло поругание;
 Желал⁶⁶ бы паче благочестно умрети,
 Нежели срамотное состояние⁶⁷ свое зрѣти
 Злочастно.

л. 105 об.

Θ.

Θедоръ нѣкто был мнѣ зело⁶⁸ приятель любовныи,
 Нѣкогда ж⁶⁹ открыт ему был и порядок мой домовныи,
 Однако ж и той ныне, знатно за глупость мою,
 Отдалилъ прежнюю дружбу свою.
 О, горе!

Υ.

Яко послѣдняя есть⁷⁰ литера ужица,
 Тако і моя жизнь злочасно⁷¹ х концу ближитца.
 І вправду лутче бы мнѣ на свѣте не житі,
 Нежели за глупость в поругании быти
 До смерти.

л. 106.

Совѣщание.

О, Симеоне! аще совѣта послушаеши⁷² благаго,
 Воистинну лишишися ругания злаго.
 Совѣтую бо ти Кирилово імѣние все істоциті
 І тѣмъ, возможно⁷³, и недругов в любов привлачиті:
 Много бо здѣ может нескупу человеку імѣние,
 Егда им подщишися чиниті⁷⁴ в дому своем⁷⁵ увеселение.
 В разные дни устрои пространные обѣды
 И напитки уготови в доволство⁷⁶ і на сосѣды,
 И тако узриши себѣ отраду толику,
 Яко и мнѣ за совѣтъ сеи воздаси почестъ велику.
 Аще же не тако, не отбудеши⁷⁷ никако,
 Пребудеши⁷⁸ одинако в поругателствѣ всяко.

⁶⁵ дал животъ свои ⁶⁶ *приб.* я ⁶⁷ житіе ⁶⁸ был зѣло мнѣ ⁶⁹ *прон.* ж ⁷⁰ по-
 слѣдняя в азбуке ⁷¹ злочастная ⁷² совѣта моего послушаеш ⁷³ возможешъ ⁷⁴ под-
 щисся чинитъ ⁷⁵ си ⁷⁶ уготови довольно ⁷⁷ отбудешъ ⁷⁸ пребудешъ

Цена 10 руб. 50 коп.

Мир. 35

№ 3

1979/42

Прием заказов и подписки

НА ВСЕ ИЗДАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

- ПРОИЗВОДИТСЯ:
1. В Отделе распространения Издательства Академии Наук СССР. Москва, ул. Горького, 20/2. Тел. 48-33.
 2. В Ленинградском отделении Издательства. Ленинград, 164, В. О., Менделеевская линия, 1. Тел. 5-92-62.